

Баден-Баден попал в «Кольцо»

Впервые западной публике показали русскую постановку вагнеровской тетралогии

Вчера на сцене самого большого в Германии театра — баден-баденского Фестшпиельхауса — завершился показ четырех опер вагнеровского «Кольца нибелунга» в постановке Мариинского театра. Впервые русскую версию этого одного из центральных для немецкой культуры сочинений Валерия Гергиева со своим театром показал здесь месяц назад и произвел настоящую сенсацию. За тем, как принимали в Баден-Бадене второй, февральский цикл, наблюдала музыкальный обозреватель «Известий» Екатерина БИРЮКОВА.

Мариинское «Кольцо» — один из суперпроектов Валерия Гергиева — ставилось долго и мучительно и в более или менее окончательном виде было показано этим летом в Питере один-единственный раз. Первая за последние сто лет русская постановка тетралогии, хоть и оказалась в числе номинантов ближайшей «Золотой маски», но театральной сенсацией у нас все же не стала: к тому, что Гергиеву великолепно дается Вагнер, а певцы Мариинского театра за последние годы приучились его здорово петь, мы уже привыкли. А вот череда из четырех спектаклей, где монументальная сценография Георга Цыпина фактически подменила собой какую бы то ни было режиссуру (хотя в программе и значатся имена Юлии Певзнер и Владимира Мирзоева), вызывала большие подозрения.

Как выяснилось, везти такой проект в Германию, в дорогой, престижный и пресыщенный Баден-Баден, было именно то, что нужно. Это нам тут в «Кольце» не хватает сильно режиссерской концепции. А там эти концепции уже все давно обмозговали. Там маринский Вагнер — брутальный, роскошный и в каком-то смысле очень наивный — своим варварством произвел, видимо, такое же ошарашивающее впечатление, как когда-то «Русские сезоны» Дягилева. Вопреки общепринятым правилам, на которых воспитано несколько последних поколений западных почитателей Вагнера, вместо певцов в строгих пиджачных парах с портфелями в руках на сцене появлялись какие-то глубоководные великаны и целые полчища пугающих карликов, ярмарочный медведь в колесе и хвостатые чешуйчатые чудища, а вместо истории про социальные язвы современного общества там рассказывали простодушную цыпкинскую сказку, искусно подсвеченную волшебником Глебом Фильштинским.

Гергиев, в свое время отказавшийся делать очередного «немецкого» Вагнера с западной постановочной командой, мудро вырастил на сцене Мариинки свое собственное чудо-юдо, и теперь оно, судя по всему, уже стало такой же спецификой русской достоятельности, как кафтаны, бороды и березки из традиционных постановок Мусоргского и Римского-Корсакова. Все западные рецензенты, даже те, что нашли в себе силы скептически отнестись к постановке, сходятся на том, что такого Вагнера вы больше нигде не увидите.

Однако вся оригинальность маринского Вагнера, безусловно, не работала бы без трех очень важных составляющих проекта: самого Гер-

гиева, которого тут называют Валерием Первым (кроме него в России, по мнению западных журналистов, есть только еще один царь — Владимир Первый), его оркестра, находящегося в блестящей форме (ее не испортил даже изнуряющий ночной автобусный переезд на концерт в швейцарский Давос и обратно, который был предпринят в выходной день между «Валькирией» и «Зигфридом»), и его певцов. Тот факт, что в недрах Мариинки имеется такой сильный состав вагнеровских певцов, для баден-баденской публики оказался просто ударом под дых. Одних Брунхильд — три штуки! И одна другой голосистее — Ольга Сергеева, Лариса Гоголевская и Ольга Савова. Газеты хором предсказывают, что в ближайшее время западные театры должны расхватать этих певцов для своих вагнеровских постановок.

Они же отмечают, какую пользу принес маринский эксклюзив знаменитому европейскому курорту, до сих пор гордившемуся лишь целебными термальными источниками и историей непростых взаимоотношений Тургенева с Полиной Виардо. А также его Фестшпиельхаусу — совсем новому зданию, без постоянной труппы, без истории, но с большими амбициями (в 2004 году здесь, например, выступают Анна-Софи Муттер, балет Джона Ноймайера, Саймон Рэттл, Иво Погорелич, Гидон Кремер, Кент Нагано, Михаил Плетнев, Чечилия Бартоли, Джеймс Ливайн и так далее — в общем, все те, кому положено выступать только на лучших сценах мира). Все гостиницы в Баден-Бадене распроданы. В город нахлынули журналисты со всего света и знаменитые в оперном мире персонажи вроде царствующего в Байройте вагнеровского внука Вольфганга и легендарного экс-интенданта Зальцбургского Жерара Мортье.

Но главные зрители маринского Вагнера — просвещенные, богатые и, прямо скажем, немолодые опероманы. Человека моложе пятидесяти в зале на две с половиной тысячи мест, найти сложно. Именно на такой публике держится сейчас престиж современной оперы. Эти люди готовы приехать из других стран и с других континентов. И здесь, на специальной встрече с постановщиками, проходившей в здании знаменитого местного казино, где когда-то спускал деньги Достоевский, какая-нибудь ветхая старушка может запросто сравнить маринское «Кольцо» с амстердамским, также оформленным Георгием Цыпиным.

Русская речь в зрительном зале редка, но все же звучит. Среди публики, например, мне встретилась престарелая дама с русскими корнями, которая рассказала, что приехала посмотреть «Кольцо» из Канады с группой из 70 человек, и спросила, как правильно надо произносить слово Gergiev. Пара соотечественников-бизнесменов, с которыми я разговаривала в кафе, произносили это слово уже безо всякого придыхания, честно признались, что попали на вчерашний спектакль случайно, думали, что мюзикл, и ушли, не дождавшись конца, но все же поинтересовались, вернули ли в итоге девочку тому мужику в белом (имелись в виду богица Фрейя и бог Вotan из «Золота Рейна» — первой оперы цикла). Узнав, что вернули, очень обрадовались. Может, когда-нибудь заинтересуются, что было дальше.